

**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ПИРАТСКИЕ ИГРЫ

Морской спецназ

Сергей Зверев

Пиратские игры

«Научная книга»

2009

Зверев С. И.

Пиратские игры / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2009 — (Морской спецназ)

У берегов Африки вахтенный русского парусного корабля «Адмирал Сенин» заметил дрейфующий в океане мотобот. На его борту оказалось несколько суданцев, уверявших, что они потерпели бедствие. Однако той же ночью тело рулевого пронзила отравленная стрела, капитан оказался в плену у пиратов, а команду отправили в свободное плавание на сломанном мотоботе. Опытный морской спецназовец – старлей Павлов по кличке Полундра, оставшийся на паруснике вместе с курсантом Сухомлиным, – не собирается сдавать корабль без боя. Вот только он еще не знает, насколько мощные и коварные силы стоят за обычными морскими разбойниками...

© Зверев С. И., 2009

© Научная книга, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	34
Глава 11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Зверев

Пиратские игры

Глава 1

Индийский океан распростерся под жарким экваториальным солнцем, которое, отражаясь в водной глади, искажалось и казалось большим, бесформенным, ярко-желтым пятном. Соленый морской запах витал в воздухе и приятно щекотал нос.

Неспешно разрезая форштевнем бирюзовые искрящиеся волны, под белоснежными парусами шел парусник. Мачты гордо уходили прямо в голубое небо. Многочисленные чайки сопровождали корабль. Они, крича, кружились у развевающегося на ветру Андреевского флага. На борту парусника золотыми буквами красовалась надпись «Адмирал Сенин». У фальшборта толпились молодые курсанты, будущие морские офицеры. Правда, пока они еще были похожи на кучку юнцов – для многих из них это было первое серьезное плавание в жизни. Повсюду разносились шумные возгласы.

В современном мире парусные суда не приносят особой материальной выгоды, и их использование финансово не всегда оправдывает себя, но что может быть лучше для обучения и сплочения команды, чем парусник? Ведь для того, чтобы четко и грамотно вести подобный корабль, необходима слаженная и дружная работа всей команды. Никакая суперсовременная техника не сделает из салаги настоящего морского волка – парусник дает такую возможность. Когда курсант проделывает руками всю ту работу, которую столетиями выполняли на судах, он становится моряком. Именно поэтому молодые курсанты проделали уже столь долгий и непростой путь от Владивостока до Индийского океана. Правда, как оказалось, не все смогли идеально выдержать такое испытание. Нескольким курсантам явно пришлось пострадать от морской болезни, и вид теперь у них был утомленный. Но за исключением этих мелочей поход проходил хорошо.

Погода была превосходной, так что многие из будущих моряков воспользовались отсутствием на палубе офицеров и принялись фотографировать себя в самых разных героических позах под парусами. Среди этих будущих морских волков все являлись, как обычно, совсем разными людьми, но на данный момент составляли единую команду. Кто-то уже видел себя перспективным морским офицером с впечатляющим будущим. Были и такие, кто в первом же походе разочаровался в морской службе. Впрочем, сейчас на палубе царил атмосфера общего веселья и отдыха. Недавно был пройден сложный участок пути, и теперь перед ними открывалось безбрежное пространство Индийского океана, да и погода установилась стабильная. За последние несколько дней ветер значительно стих, и вскоре предполагался полный штиль. И если штиль раньше моряки не считали благоприятной погодой, особенно для парусника, то теперь, когда под палубой у подобных судов располагается дизельный двигатель, бояться и проклинать штиль никому и в голову не приходило.

Несколько человек о чем-то активно спорили. Большинство высказываний сопровождались дружным веселым смехом. Неожиданно с громким лаем из-за каких-то ящиков, стоящих на палубе, выбежал песик Тузик, всеобщий любимец. Его, видимо, облило водой, и теперь пес мотал головой, пытаясь стряхнуть с себя влагу, при этом забавно твякая. Следом за ним на палубе появился командир парусника – капитан второго ранга Александр Стенин. Он с вальяжной улыбкой на лице окинул взглядом происходящее. Курсанты сразу же предпочли исчезнуть с палубы либо заняться делом.

Он с важным и слегка надменным видом поглядел на курсантов. Ему вдруг вспомнились свои первые походы и то время, когда он сам был курсантом. Кавторанг молча стоял на

палубе, освещенный яркими лучами солнца, и наслаждался теплым ветром. Из этого блаженного состояния его вырвал Тузик, который почему-то вдруг зарычал, нервно завилял хвостом и бросился к нему под ноги, громко и теперь уже как-то угрожающе лая. Во время похода у собаки что-то совсем сдали нервы, и иногда Тузик бросался даже на командира, который его тоже не очень-то любил. Естественно, испугать Стенина, и уж тем более заставить его ретироваться, Тузику не удалось, хоть пес и прилагал для того, похоже, все свои скромные усилия. Курсанты еле сдерживались от смеха, наблюдая эту картину. А вот кавторангу пришлось даже притворно замахнуться на пса, не признававшего законы военной субординации. Тузику, несмотря на всю свою энергию, пришлось отступить, и он, спрятавшись за спинами курсантов, продолжал протяжно рычать. Этот маленький инцидент заставил кавторанга улыбнуться, и он хотел было вернуться обратно на капитанский мостик, как вдруг один из курсантов сделал несколько шагов вперед и громко проговорил:

– Товарищ командир, разрешите обратиться!

– Обращайтесь, – кивнул Стенин, глядя на курсанта Сухомлина.

– Когда начнется практика по боевому дайвингу? – Сухомлин всегда лез вперед, и его интересовало буквально все.

Энергии у этого курсанта хватило бы на четверых, но его проблемой было то, что использовал он эту самую энергию не вполне разумно, попадая в самые разные истории.

– Как и планировалось: на мелководье в нейтральных водах. Скоро коралловые островки, станем на якорь поблизости... – Он хотел еще что-то добавить, но курсант, видимо, не уловивший интонацию, перебил его:

– А когда конкретно? – Продолжал хлопать глазами с наивным видом настойчивый собеседник.

Такие фокусы начали раздражать кавторанга: мало того, что курсант лезет, куда его не просят, так еще и перебивает! Стенин поднял голову и командирским, не терпящим возражений тоном заявил:

– Так, курсант, три наряда вне очереди! Гальюны чистить! В небо смотри, будущий офицер... Сам должен понимать, когда берег, и вопросов не задавать!

– Есть... товарищ командир, – выдавил поникший курсант.

Как только Стенин покинул палубу, над Сухомлиным тут же начали смеяться все однокашники, которых весь этот разговор изрядно повеселил.

– Ну, ты даешь, Сухомлин!

– Это ж надо уметь – попасться командиру на глаза с глупыми вопросами в самое неподходящее время!

– Ничего, наряды намного полезнее дайвинга! – неслись шутки со всех сторон.

Сухомлин отшучивался, скаля зубы в улыбке.

Только Тузик преданно подбежал к «пострадавшему» и стал тереться у его ног. Все разошлись по своим делам, с отдыхом было окончено. Сухомлин с грустным видом стоял у борта. Приступать к наряду у него, естественно, особого желания не имелось. Услышав шаги за спиной, он обернулся и увидел, как к нему направляется старший лейтенант Павлов по прозвищу Полундра. Могучего вида, с открытым лицом, он всегда вызывал у курсанта доверие.

– Ну что, Сухомлин, все по делу, – сказал он с легким сарказмом в голосе, – все, что ни делается, – к лучшему. Я тебе на собственном примере скажу: это тебе только на пользу пойдет. Пока что ты мне не поверишь, но так и есть.

Тот с недоумением взглянул на старлея.

– Чайки как летят? – продолжил Полундра поучительным тоном. – Ну, подумай, включи мозги-то!

Курсант заулыбался, понимая, о чем идет речь.

– То-то, – поднял указательный палец старлей, – значит, земля уже близко. Все по делу, товарищ курсант... Ничего, я в твоём возрасте тоже наряды огребал!

Он посмотрел на Сухомлина, который с неохотой поплелся в наряд. Полундра почему-то не сомневался в том, что из этого салаги вырастет хороший опытный морской офицер. Тузик весело бежал вслед за курсантом.

* * *

Вечером в кают-компании «Адмирала Сенина» былолюдно и оживленно. Свободные от вахты офицеры собирались как обычно в это время, чтобы поболтать, попить чая. Кто-то, сидя за столом, читал журнал, кто-то играл в нарды... В углу находился маленький портативный телевизор, получавший сигнал от небольшой спутниковой тарелки, находившейся на палубе.

Разговоры были совершенно обычными – все, о чем могут говорить мужики, которые собираются вместе. Два офицера спорили о том, какое пиво лучше. Лейтенант Котов доказывал, что, естественно, наше, отечественное, старлей Жилинский придерживался иной точки зрения и с пеной у рта доказывал, что лучше чешского и быть не может.

– Я бы сейчас провел опытную дегустацию, – решил примирить спорщиков капитан-лейтенант, – только на практике такие вещи выясняются. А теория здесь ничем не поможет. Так-то, ребятки.

– Да, отличная идея! – хором подхватили остальные, разразившись громким раскатистым смехом.

Лишь один из спорщиков, явно мучающийся от отсутствия чешского пива, громко вздохнул и со страдальческим видом откинулся к стене.

– Лучше бы телевизор включили, – бросил он офицерам, – послушаем, что вокруг происходит.

Эта идея была поддержана большинством. На экране телеведущая рассказывала о событиях, произошедших в мире за день. Речь шла о терактах, случившихся на днях в Ираке, о том, как идет предвыборная кампания в Соединенных Штатах. Затем речь зашла о делах в России:

– Международный арбитражный суд на днях удовлетворил иск швейцарской корпорации «Loga» к правительству Российской Федерации. В соответствии с этим решением российская сторона обязана погасить задолженность, имеющуюся перед корпорацией. В противном случае, – сделала небольшую паузу телеведущая, – возможны аресты имущества России во всем мире. Официальных пояснений по этому вопросу перед журналистами ни одна из сторон пока не дала. К другим новостям...

Далее разговор пошел о визите президента Франции в Алжир, об изменении цен на нефть и прочем.

– Да, – заметил кто-то, – они денежки выбьют...

– Скука, – протянул веснушчатый лейтенант Багров, – а может, там какой концерт показывают?

Он щелкал пультом, и картинка на экране менялась. Кавторанг встал, потянулся и направился к выходу.

– Смотрите, сильно не расслабляйтесь, за курсантами тоже глаз да глаз нужен, – сказал он, после чего вышел и направился в свою каюту.

Командир парусника всецело был поглощен мыслями о деталях дальнейшей части их маршрута. Сидя у стола, он попивал ароматный чай, вглядываясь в карту. В дверь постучали. Кавторанг поднял голову – в каюту вошел Полундра.

– О, ты мне как раз и нужен, – произнес командир, указывая на стул напротив себя, – присаживайся.

Полундра молча сел напротив и приготовился слушать.

– Я вот думаю, брать нам с собой лоцмана, когда будем проходить из океана в Аденский пролив? Судя по карте, здесь довольно несложный для прохождения участок. В общем-то, и тальвег четко прослеживается, да и никаких иных препятствий не наблюдается. Однако, как говорится, меня терзают смутные сомнения. И еще: как нам лучше продемонстрировать салагам боевой дайвинг? Что думаешь, старлей?

Полундра сосредоточился.

– Насчет лоцмана я пока ничего сказать не могу, – кашлянул он, – думаю, это решится позже. У нас ведь есть еще время, пока мы подойдем к проливу. А вот что касается дайвинга, так предоставьте это дело мне. Впервой, что ли, курсантов натаскивать? Я уж им все покажу, век помнить будут.

– Вот об этом я с тобой как раз хотел поговорить, – кивнул кавторанг.

Глава 2

Вертолет с эмблемой миротворческих сил рассекал воздушное пространство над акваторией Индийского океана. Под ним расстилались толщи воды, омывающие восточное побережье африканского континента. Вокруг царила роскошная тропическая ночь. Вертолет держал курс к береговой линии, принадлежащей республике Сомали. Надписи на борту железной стрекозы свидетельствовали о том, что машина была произведена в Германии и принадлежала немецкому контингенту миротворческих сил в Сомали. Данный тип военного вертолета являл собой пример максимально удобного и приспособленного для работы в лесистой местности, и в частности в джунглях. Он обладал достаточной легкостью и в то же время удивительной мощностью и высокой грузоподъемностью. Машины такого типа использовались вооруженными силами Соединенных Штатов во времена вьетнамской войны и во многих других «горячих точках».

Пилот, сидевший за штурвалом, вглядывался в открывающиеся ему пейзажи. Ночь вынуждала быть особенно сосредоточенным и собранным. Рядом с пилотом сидел офицер.

Под огромной винтокрылой машиной уже виднелось побережье Сомали. Неопишуемой красоты природный ландшафт поражал своим великолепием. Огромные джунгли, словно толпа каких-то мифических существ, наступали прямо на берег. Ночью они смотрелись еще более сурово и внушали чувство какого-то первобытного почтения. Вертолет приближался к берегу.

«Голубые каски», как в народе называют миротворцев за их головные уборы, были введены в Сомали в начале девяностых годов в рамках операции, носившей романтическое название «Возрождение надежды». Тогда, после смерти президента, страну охватил кризис, и здесь наступила анархия. Сомали как государство практически прекратило свое существование, утратив все атрибуты единой страны, и распалось на множество лоскутков, контролируемых враждующими между собой полевыми командирами. Голод, унесший жизни более трехсот тысяч человек, привлек внимание всего мирового сообщества.

Миротворческие силы ООН были призваны защитить работников организаций, распределяющих гуманитарную помощь, регулярно получаемую из более десятка стран, пытающихся помочь голодающему населению. В свою очередь полевые командиры пытались присвоить себе и эту помощь. Воровство в стране приобрело невиданный размах. Операция миротворцев оказалась успешной, однако силы ООН позволили вовлечь себя во внутрисомалийский конфликт и начали подвергаться нападениям боевиков одного из претендентов на пост президента страны – Мохаммеда Айдида. Таким образом, одна из главных задач миротворцев в Сомали – примирение воинствующих между собой полевых командиров, а также защита от них местного населения – оказалась очень непростой.

Вертолет начал снижение. От мощного потока воздуха, создаваемого огромными лопастями, трава на берегу легла и примялась к земле, песок разлетался в разные стороны, от океана летела водяная пыль. Наконец двигатель замер. Джунгли встречали вертолет гордым молчанием, только лишь где-то вдалеке едва слышались приглушенные звуки стрельбы. Из боевой машины на землю спустился человек в офицерской форме морского пехотинца в неизменной голубой каске и с автоматом наперевес. В руках у него красовался небольшой черный кейс с кодовым замком. Миротворческий контингент в этом африканском регионе в основном состоял из военнослужащих немецкого бундесвера. Полковник Юрген Фогс тоже был представителем Германии. Миротворец быстрым шагом прошелся в глубь берега, оглядываясь по сторонам. Достав прибор ночного видения, он медленно просматривал черную полосу раскинувшихся перед ним джунглей. Никакого присутствия человека там не было заметно. Тропический лес жил своей жизнью, которая малопонятна взору стороннего наблюдателя, а уж ночью – тем более. Миротворец не подходил к лесному массиву слишком близко, поскольку, как опыт-

ный солдат, пробывший на этой территории уже довольно много времени, он прекрасно осознавал вероятность встречи с одним из представителей местной фауны, которая могла закончиться явно не в пользу офицера, хотя тот и был прилично вооружен. Невольно восторгаясь красотой африканских ночных джунглей, немец не сразу услышал нарастающее урчание со стороны океана. Этот странный звук сначала был тихим, и его можно было принять за шум волн, ударяющихся о берег. Но гул стал нарастать и постепенно перекрыл собой все остальные звуки. Полковник обернулся и вскинул свой прибор. Его взору предстало не совсем обычное зрелище: вода неподалеку от берега начала бурлить, словно закипая. На поверхности показалась труба воздухозаборника, рядом с которой виднелся перископ. Фогс насторожился. На поверхности океана показалась амфибия. Она медленно поднималась из воды, словно чудовище из морской пучины...

Окончательно выбравшись на берег, амфибия затихла. Из открытого люка показался силуэт, проворно выбравшийся наружу и двинувшийся в направлении миротворца. Немец смотрел на приближавшегося к нему высокого, с крепким телосложением чернокожего, одетого в камуфляжную форму. Особо устрашающий вид ему придавали перепоясывавшие крест-накрест пулеметные ленты. Гость уверенно подошел к немцу, который стоял, скрестив руки на груди. Улыбнувшись, Фогс протянул руку для приветствия. Африканец пожал ее, блеснув зубами.

На фоне этой дикой, почти нетронутой человеком природы эти двое казались какими-то букашками. Транспортные средства и вовсе не вписывались в этот пейзаж, совершенно не изменившийся за тысячи лет.

Для сомалийца, прожившего здесь всю жизнь, эти красоты не значили ровным счетом ничего. Да и всем своим видом он не был похож на человека, восторгающегося прекрасным. Сейчас его грубое, суровое лицо выдавало в нем некую напряженность.

– У нас все готово, – начал разговор сомалийский полевой командир Абдулла Хасан, и выжидающе посмотрел на Фогса. Тот, громко щелкая замками, открыл свой кейс. Глаза сомалийца загорелись странным огоньком. Он сосредоточенно следил за каждым движением миротворца, который не спеша достал из чемодана несколько довольно внушительных размеров брикетов банкнот и протянул их Абдулле. Тот широко улыбнулся и принял деньги.

– Это аванс, как и договаривались, – пояснил миротворец, – остальное по исполнению...

Судя по выражению лица сомалийца, деньги он любил, наверное, больше всего на свете. Аккуратно уложив пачки в объемные карманы, он воровато оглянулся вокруг. Затем африканец поправил автоматную ленту на поясе и, глядя в лицо полковнику бундесвера, поинтересовался:

– Как ты видишь дальнейшие события? Я бы хотел знать наперед...

– А зачем тебе это надо? Меньше знаешь – дольше живешь. Ты – простой исполнитель, тебя наняли. Сделаешь то, что требуется, – получишь остальное, – несколько нервно ответил офицер, которому явно не понравилась такая формулировка вопроса. – Не задавай лишних вопросов – вот мой совет... Меня тоже, считай, наняли. Так что ты поменьше влезай в лишние вопросы, тебя не касающиеся.

Полевой командир в свою очередь сердито, но в то же время по-дружески произнес:

– Но ведь я рискую своими людьми. И если с ними что-нибудь случится, им или их семьям тоже придется платить! А незапланированные расходы – вещь очень неприятная, особенно в наше время.

– А я рискую своей репутацией, – резко перебил миротворец. – Представляешь, какой скандал будет, когда узнают, что я, офицер миротворческого корпуса ООН, имею с тобой, бандитом и мародером, общий преступный бизнес! Вот это сенсация в полном смысле этого слова...

Африканец воспринял такое заявление относительно спокойно. Однако он то и дело оглядывался по сторонам. Устремлял свой взгляд то на амфибию, стоящую неподалеку, то на вертолет, расположившийся недалеко от воды. Он пытался разглядеть, что происходит в кабине. Однако в темноте ему практически ничего не удалось увидеть. Тогда он обернулся к Фогсу и с интонацией, требующей конкретного ответа, задал вопрос:

– А твои люди... пилот, охрана? – Хасан кивком головы указал на вертолет.

– В доле... а вообще это не твое дело, – заявил миротворец.

Любопытство сомалийца вызывало в нем чувство раздражения. Ведь каждой мелюзге хочется изображать из себя стратега!

Чернокожий улыбнулся, еще раз показав свой, очень похожий на звериный, оскал, и уже совершенно иным, деловито-дружеским тоном обратился к немцу:

– Ладно, все в порядке, у меня нет никаких претензий. Дай-ка еще раз взглянуть...

Миротворец полез в карман, достав оттуда карманный компьютер-наладонник. Открыв крышку, он ловко начал водить стикером по дисплею. Свет от экрана освещал лицо офицера. И без того суровое, в ярко-белом свете оно казалось восковым, кукольным. Несколько секунд он потратил на поиски информации, которая была представлена файлом, содержащим в себе графическое изображение. Затем, улыбнувшись, он протянул наладонник сомалийцу. Тот осторожно взял его в руку и сосредоточенно уставился на дисплей. После полумрака яркий свет заставил его на несколько секунд зажмурить глаза. Затем он вновь устремил свой взор на небольшой экран.

Прямо перед собой Абдулла увидел фотографию какого-то корабля, под поднятыми парусами шедшего по волнам. Полевой командир внимательно всматривался в фото, желая подробно изучить каждую деталь. Над парусником развевался Андреевский флаг. Фогс искоса взглянул на сомалийца. Тот утвердительно кивнул головой.

Глава 3

Солнце огромным оранжевым шаром лениво показалось из-за горизонта. Его лучи осветили пустынную поверхность Индийского океана. Парусник «Адмирал Сенин» одиноко рассекал эту бескрайнюю водную гладь. Ветра практически не ощущалось, наступала пора полного штиля. В такие минуты многие хотели бы почувствовать себя моряками и оказаться в открытом море, чтобы просто наслаждаться красотой водной стихии...

Курсанты потягивались в своих койках, наслаждаясь последними минутами сна. В эти рассветные минуты больше всего хочется спать и так тяжело открыть глаза, заставить себя встать. Однако у юных моряков уже вошло в привычку столь раннее пробуждение, поэтому подъем для них не казался столь трудным и невыполнимым, во всяком случае, так казалось со стороны. По команде они дружно вскочили с коек, в считанные секунды оделись и спустя несколько минут уже стояли на палубе, готовые к действию. Щурясь, курсанты смотрели на восходящее солнце. Будучи совсем молодыми, они еще готовы были удивляться и интересоваться всем подряд.

Кавторанг, как это и положено командиру, назначил вахтенных, коротко изложил задания на день. Исходя из того, что наступил полный штиль и корабль стал продвигаться гораздо медленнее, Стенин отдал приказ спустить паруса и продолжать движение на «машине». Для этого, естественно, нужно было увеличить мощность силовой установки. Мотористы, выслушав командира, тут же отправились выполнять указания. Остальные курсанты принялись спускать паруса.

Началась бурная и оживленная работа, повсюду раздавались крики, сопровождаемые громким смехом. Курсанты сновали по палубе, ощущая себя единой командой, которой по плечу любые испытания. Тут же, словно чувствуя свою важность и желая быть частью процесса, сновал Тузик, заливаясь громким лаем и кидаясь всем под ноги. Конечно, за такие выходы ему пришлось несколько раз получить хороших пинков, но ему это только нравилось. Олег Сухомлин, которого пес считал своим хозяином, едва успевал бросать взгляды то влево, то вправо на голос своего любимца. Курсант беспокоился, как бы неугомонный пес случайно не отправился за борт. Но Тузик, и расшалившись, не забывал о безопасности.

– Ну, вы хоть иногда под ноги смотрите! Собаку задавите! – то и дело кричал он товарищам. Те беззлобно отругивались, хотя, конечно же, все любили доброго Тузика.

Собака скрашивала дни надолго оторванной от земли команды. Веселое, подвижное существо словно бы связывало всех с домом.

Белоснежные паруса, которые еще совсем недавно гордо развевались на ветру, потихоньку сникли, и теперь парусник уже не выглядел таким рыцарем океанских просторов. Мачты казались огромными гладкоствольными деревьями, напрочь лишившимися листвы и ветвей. И если курсанты, трудившиеся на открытом воздухе, получали огромное удовольствие и заряд позитивной энергии, то мотористы оказались в гораздо менее выгодных условиях.

В машинном отделении двигатель ритмично гудел, перекрывая разговоры. Мотористы, сделав несколько достаточно простых операций, перевели дизельный двигатель в режим максимальной работоспособности. Парусник тут же увеличил скорость на несколько узлов. В машинном отделении было невероятно душно, все покрылись потом. В голове каждого крутилась лишь одна мысль: как можно быстрее выбраться наверх и насладиться свежим морским воздухом.

Теперь парусник шел вперед исключительно за счет энергии, вырабатываемой дизельной установкой. У команды появилась возможность передохнуть. Кто-то отправился в каюту поваляться на кровати и помечтать, глядя на фотографию любимой девушки. Кто-то только еще

мечтал найти свою вторую половинку. Во все времена самым трудным испытанием для моряка в длительном походе было отсутствие женского пола.

Те же из курсантов, кто не забивал себе голову сердечными переживаниями, просто расслаблялись, наблюдая за обитателями океана, перегнувшись через фальшборт. Параллельно курсу корабля то и дело выпрыгивали из воды какие-то рыбы. Неподалеку от курсантов боцман и несколько офицеров курили, расположившись полукругом.

В это время кавторанг Стенин сидел в глубоком кресле командирской каюты, погружившись в размышления. Перед ним на столе лежал открытый судовой журнал, и командир то и дело делал какие-то пометки. В каюте было относительно прохладно, так что Стенин чувствовал себя комфортно. Но его клонило в сон: морской воздух и жаркое экваториальное солнце действовали сегодня как снотворное. Естественно, что поддаться такому соблазну командир никак не мог. Поэтому он поднялся, налил из графина, стоящего на столике, прохладной воды и принялся расхаживать взад-вперед по каюте, поглядывая в иллюминатор.

Плавпрактика курсантов подходила к концу. Паруснику осталось преодолеть несколько проливов, Красное, Средиземное и Мраморное моря, и они окажутся в Черном море, а там – прямым курсом на Новороссийск. Кавторанг размышлял о том, что за проведенное вместе время он уже успел породниться с курсантами. Они оказались довольно смысленными и неглупыми ребятами, у которых имелись все перспективы в будущем стать настоящими, матерыми морскими волками.

Внезапный стук в дверь вывел командира из задумчивого состояния. В проеме показалась фигура вахтенного. Мичман быстро прошел в каюту и, плотно прикрыв за собой дверь, отрапортовал:

– Товарищ командир, в нескольких кабельтовых от нас обнаружен подозрительный мотобот.

– Это все? – сухо поинтересовался Стенин. Он глядел в упор на мичмана, чувствуя по его тону, что тот озабочен этим объектом.

Вахтенный отрицательно мотнул головой:

– Отсутствуют какие-либо опознавательные знаки и бортовые огни. Флага, указывающего на его принадлежность к какому-либо государству, я тоже не заметил.

– И что вы думаете по этому поводу? – поинтересовался кавторанг уже с куда более серьезным видом.

– По правде говоря, что-то мне не нравится эта ситуация, – протянул мичман Васильев. – Несмотря на все попытки связаться с ним, судно не прореагировало ни на один сигнал. Мертвое молчание.

Стенин поднялся и снова подошел к графину с водой. Сегодня его мучила жажда.

– А какого курса придерживается мотобот? – задал вопрос командир парусника.

– Я пытался проверить, – заявил Васильев, – и после этого у меня создалось впечатление, что он дрейфует. Возможно, плавсредство кем-то брошено, или мотобот просто унесло в море.

– Возможно, – медленно произнес кавторанг, которому эта ситуация, мягко говоря, припала не по душе.

– Что прикажете делать, товарищ командир? – деловито спросил вахтенный.

– Оставлять это мы так не можем. По всем нормам международного права мы должны обследовать это судно, – задумчиво сказал Стенин, – и, если что-то не так, сообщить в ближайший порт. Я думаю, что мы не потеряем много времени, если отправим кого-нибудь обследовать этот объект. Давайте так и поступим, – вынес свой вердикт кавторанг.

Вахтенный козырнул и покинул каюту. Командир, оставшись наедине, потер виски, собиравшись с мыслями, и приказал Полундре прибыть в командирскую каюту. Старший лейтенант Павлов не заставил себя ждать. Глядя на Стенина, он сразу почувствовал, что кавторанг чем-то озабочен, поэтому сразу задал вопрос:

– Что-нибудь стряслось? – Павлов был тем самым человеком, без которого обойтись часто было нельзя. Особенно его присутствие требовалось в разных нестандартных ситуациях.

– Да вроде все в порядке, – пожал плечами командир, – но есть один вопрос...

Он рассказал старшему лейтенанту о докладе вахтенного.

– Если честно, мне лично не очень-то хочется терять время, обследуя какие-то подозрительные объекты, – заговорил старлей, – тем более если они не лежат прямо у нас по курсу, но ведь мы, как ближайший корабль по отношению к объекту, должны это сделать. Да и тем более, там могут оказаться люди, нуждающиеся в срочной помощи. Кто знает? Ну, потратим мы лишний час-другой, потом наверстаем.

Кавторанг кивнул – ему было немаловажно мнение старшего лейтенанта Павлова.

– Тогда возьми с собой несколько человек, и проверьте этот мотобот. Курсантов, я думаю, не стоит брать.

– Есть, товарищ командир, – козырнул Полундра и вышел из каюты. Вскоре все члены группы, отправляющейся к мотоботу, были готовы. Начали спускаться на воду лодку.

Глава 4

Африканские джунгли гудели, словно огромный сводный хор. Волны океана гулко накачивали на берег. У кромки прибоя одиноко стояла, сверкая металлом, средних размеров амфибия. Неподалеку от нее возвышалась могучая фигура Абдуллы Хасана. Скрестив руки на груди, сомалиец вглядывался в черное пространство джунглей. В этот момент он был похож на философа, который размышлял над глобальными проблемами человечества. Однако полевого командира волновали более конкретные вещи. Абдулла несколько раз нетерпеливо поглядывал на часы и окрест в надежде кого-то увидеть.

Спустя несколько минут на горизонте показалось наконец небольшое яркое пятно. Не прошло и нескольких минут, как прямо перед ним с шумом затормозил армейский джип. Распахнув дверцу, из автомобиля вышел рослый мужчина с весьма необычными для этих мест кавказскими чертами уже немолодого лица. В его походке и осанке чувствовалась тренированная годами армейская выправка. Кавказец расправил плечи, поправил ремень и направился в сторону Абдуллы. Африканец уважительно протянул руку навстречу. Обменявшись рукопожатиями, они начали деловой разговор.

– Ну как, сработало? – произнес он.

Хасан ухмыльнулся и, немного помедлив, довольным тоном произнес:

– Первый этап, считай, уже пройден довольно успешно, – после чего он немного замялся и быстро добавил, – хотя, если признаться, я не особо в это верил.

После этих слов улыбка с неким еле уловимым чувством превосходства озарила лицо кавказца и он, обнажив белые зубы, нараспев произнес:

– Дорогой мой, я же говорил, что все пойдет путем. Никаких проблем не должно возникнуть, ведь я все и всегда просчитываю.

В глазах Абдуллы после этих слов появилось выражение почтения к человеку, стоящему напротив. Африканец уважал этого представителя Кавказа. Да, если говорить прямо, то его уже давно могло не быть на этой земле, если бы судьба не свела его с Умаром Юсуповым, выходцем из далекого Дагестана. В далеких семидесятых Юсупов попал в Сомали в качестве военного советника МО СССР, был одним из лучших специалистов. Когда же из этого опасного региона стали эвакуировать советских граждан, Умар решил остаться. Наилучшим способом реализации своей задумки оказалась имитация собственной смерти. Командование ничего не заподозрило, и Юсупов остался на африканском континенте. Без работы ему сидеть не пришлось. Пришедший к власти в ходе вооруженного переворота Мохаммед Сиад Барре испытывал острый недостаток квалифицированных военных кадров, поэтому Умар был весьма полезен сомалийскому президенту. Гостю из СССР помогли. Главной мотивацией кавказца на тот момент являлся исламский фактор. За одну принадлежность к этой религии в то время платили куда больше, чем составляла заработная плата офицера Советской армии.

На службе у Барре Юсупов пробыл вплоть до 1991 года, когда его благодетель полетел вверх тормашками с поста президента. С этого времени Сомали погрузилась в полный хаос. Кавказец, оставшийся без работы, метался из стороны в сторону. Страна впала в состояние непрекращающейся гражданской войны. Именно в это время он примкнул к Абдулле Хасану, который являлся одним из самых влиятельных полевых командиров. Юсупову отводилась роль эдакого «серого кардинала» при самом Абдулле. Кавказец выполнял самые опасные и ответственные поручения, от исхода которых могло зависеть очень многое. Естественно, что такой труд не был бескорыстным. Полевой командир назначил ему очень высокую заработную плату, правда выдавалась она кавказцу не в деньгах, с которыми в стране была, мягко говоря, напряженка, а куда более стабильной валютой – алмазами, определенную сумму карат в месяц. Эти драгоценные камни Умар осторожно перегонял в реальные деньги, которые переводились на

номерные счета в швейцарских банках. Поэтому в его графике стало довольно обыденным совершать периодические поездки в Старый Свет.

Учитывая то, что за все время сотрудничества Юсупов ни разу никак не скомпрометировал себя, не попытался как-то подставить или надуть Абдуллу, тот по праву считал его одним из лучших помощников и всецело доверял ему. И сейчас весь хитроумный план, ради которого они затеяли эту встречу, разработал именно Умар.

И хоть доверие к Юсупову не подвергалось сомнению, эта афера, задуманная им, была уж слишком масштабна и глобальна. Хасан немного нервничал, боясь сделать неверный шаг.

– Думаешь, все получится? Ты во всем уверен? А что, если русские не купятся? – с сомнением и заметной тревогой в голосе спрашивал он.

Хасан, по природе человек недоверчивый, за время своего «полевого командования» вообще привык сомневаться во всем.

Довольное выражение на лице Юсупова сменилось на гримасу нетерпения и раздражения. Он, видимо, предчувствовал, что Хасан будет нервничать и переживать. Поэтому он твердо и уверенно заявил:

– Что значит «не купятся»? Да я, между прочим, в России двадцать восемь лет прожил, пока сюда не отправили. Я их знаю – купятся. Иначе и не бывает.

Кавказец почти кричал, и его голос эхом разлетался по берегу. Его можно было услышать на расстоянии нескольких сотен метров. Однако это обстоятельство совершенно не смущало Умара, поскольку место было абсолютно пустынным.

Сомалиец никак не отреагировал на столь эмоциональное заявление своего собеседника. Он лишь немного отошел назад и кивком головы показал, что в принципе согласен с мнением кавказца. Затем, видимо, он хотел еще что-то уточнить, но успел произнести только: «А если...», как Умар, полностью оправдав свой горячий горный темперамент, быстро его оборвал:

– Мы абсолютно ничего не теряем.

Абдулла вновь закивал в знак согласия и, демонстрируя свое понимание ситуации, произнес:

– Слушай... – тут он как-то понизил голос и чуть приблизился к Умару, – а с этим... немцем что потом делать? Того? – Он провел большим пальцем правой руки вдоль шеи, позвину оскалив белоснежные зубы, которые сверкнули, отражая лунный свет.

Кавказец удивленно вскинул брови и с выражением недоумения уставился на Хасана.

– Зачем? – спокойно, уже без всякого нетерпения произнес он. – У меня другие планы. – Юсупов ехидно улыбнулся и подмигнул полевому командиру.

Тот, впившись глазами в лицо собеседника, продолжал слушать с нетерпеливым выражением лица. Проблема ликвидации того или иного человека для него была настолько обычным явлением, что он думал об этом только лишь с практической точки зрения.

– Парусник – это только часть. А ведь мы можем заработать и куда более серьезные деньги, – вкрадчивым тоном продолжил Юсупов.

– Ну и какие же у тебя планы? – поинтересовался сомалиец. – Мне надо знать их...

Этот, казалось бы, закономерный вопрос вновь вызвал бурю эмоций у кавказца, который резко остановился и затараторил:

– Послушай: мы знакомы уже столько лет, и что – я тебя хоть раз подводил? Правильно – нет. До этого с твоим отцом работали, пока его на рынке в Могадисхо не повесили. А почему, кстати, повесили? Я скажу тебе, в чем дело. Да потому, что меня не послушался. Ты, наверное, забыл об этом? – На этих словах он еще более ускорил темп речи: – А тебя я еще сопливым пацаном помню... и ты, подчеркиваю, никогда никаких вопросов мне не задавал. Хочешь умереть очень старым и богатым – слушайся меня. Хочешь закончить, как твой папа, – не слушайся. Все очень просто, и твой плюс в том, что у тебя есть такой человек, как я. Который

думает обо всем. Кстати, об одной немаловажной детали, – сменил тему разговора Юсупов, делая многозначительную паузу.

– О чем ты?

– Тебе Фогс деньги дал? – Кавказец хитро прищурил глаза и покосился на африканца.

– Дал, говорит, аванс, – кивнул полевой командир.

– Половина мне, как и договаривались. Кто вас свел? – не терпящим пререканий тоном заявил Умар. – Естественно, я. Что, разве не так?

Сомалиец тяжело вздохнул и полез в нагрудный карман камуфляжа. В его руках появился белый конверт, такой толстый, что казалось, он вот-вот лопнет. Чернокожий своими толстыми, но ловкими пальцами на удивление быстро пересчитал банкноты, казавшиеся такими маленькими в его громадных руках. Деньги приятно хрустели, вызывая положительные эмоции у собеседника, наблюдавшего за этим увлекательным процессом. Отсчитав ровно половину, Абдулла протянул купюры Юсупову.

– Да и про вторую половину не забудь, когда остальное получишь, – словно невзначай обронил кавказец, спрятав деньги во внутренний карман пиджака.

Хасан вяло улыбнулся – ему уже начинал надоедать разговор на такую тему.

– Ну что ж, теперь мне пора, – заявил кавказец, будто прочитав мысли Абдуллы.

Обменявшись крепким рукопожатием, они разошлись. Кавказец, несмотря на свой возраст, проворно, словно озорной мальчишка, запрыгнул в джип. Свет фар озарил берег и спугнул нескольких птиц на краю берега. Они с шумом взлетели. Джип развернулся и помчался прочь. Шум мотора постепенно растворился в ночном хоре джунглей.

Абдулла медленно побрел к своей амфибии. Открыв люк и забравшись внутрь, он исчез в чреве машины. Амфибия, словно громадный жук, поползла в воду и скрылась в океане.

Глава 5

Надувная лодка с подвесным мотором аккуратно опустилась на воду. Курсанты, стоя на борту парусника, провожали ее взглядами. В лодке расположились несколько офицеров, включая старшего лейтенанта Павлова. Команда должна была обследовать мотобот, столь неожиданно появившийся на их пути. Полундра скомандовал взять курс на мотобот. До него было всего несколько миль, и поскольку погода была благоприятной, а волнения за бортом не наблюдалось, лодка довольно быстро достигла своей цели. Приближаясь к мотоботу, дрейфующему по океанскому безбрежному пространству, словно одинокий айсберг, Полундра жестом указал рулевому замедлить ход. Осторожно они подплывали к объекту, вызвавшему столько разговоров.

С ловкостью акробата Полундра перевалился через борт судна. Первое, что отметил он, – мотобот был довольно вместительным. С десятков человек, бывших там, тут же устремили взгляды на неожиданно появившегося гостя. Полундра был собран, словно пружина, однако увидел, что люди сами взирают на него со страхом. Перед ним стояли примерно десять чернокожих мужчин, на вид совершенно измученных и исхудавших. Они со страхом попятились от старлея, разглядев его военно-морскую форму. Полундра жестом попытался их успокоить и принялся осматривать мотобот более детально. Под небольшим навесом, служившим укрытием от дождя, он обнаружил еще двух африканцев: чернокожего плюгавого мужчину и женщину. Мужчине на вид было не больше тридцати лет. При виде офицера военно-морского флота он с мольбой в глазах поднял руки, выставив вперед розовые ладошки, видимо ожидая, что его будут бить. Полундра хмыкнул и перевел взгляд на женщину. Типичная запуганная мусульманка была беременной, причем, судя по размерам ее живота, на последнем месяце.

– Только этого еще не хватало, – произнес Полундра вполголоса, – хорошенький сюрприз...

Женщина при виде постороннего мужчины тут же завопила и принялась закутывать лицо в хиджаб. Плюгавый, видя, что Полундра не собирается их убивать, немного осмелел и принялся успокаивать плачущую женщину. Офицер отошел от навеса и задумался. Ему сейчас предстояло решить, что делать с этими «пассажирами», непонятно как очутившимися в открытом море. Вообще-то, особенно богатого выбора у старлея не имелось: учитывая присутствие на борту женщины, к тому же находящейся в положении, надо было забирать всех с собой, а там уже пусть решает командир. Полундра жестами показал испуганным африканцам, что он не причинит им никакого вреда. Размахивая руками и указывая на лодку, ожидавшую рядом, он кое-как объяснил, что им следует грузиться в нее.

* * *

На палубе парусника творилось настоящее столпотворение. Доставленные с мотобота чернокожие стеснительно жались в кучку и вытаращенными глазами разглядывали молодых курсантов. Полундра доложил Стенину «о проделанной работе» и вкратце обрисовал ситуацию. Мотобот взяли на буксир, чтобы доставить в ближайший порт.

Кавторанг вышел на палубу и теперь пытался выяснить, кто же главный среди этих людей. Из толпы слышались возбужденные выкрики на родном для беженцев языке – что-либо разобрать здесь было невозможно. Командир тяжело вздохнул. Неожиданно из толпы вышел тот самый плюгавый сомалиец и, обращаясь к кавторангу на ломаном английском, попытался объяснить ситуацию. Говорил он очень быстро и в то же время с волнением. Его губы еще дрожали, наверняка от напряжения, которое им пришлось вытерпеть, проведя несколько суток на мото-

боте. При этом африканец сопровождал свою речь очень бурными и красноречивыми жестами, компенсируя тем самым свои пробелы в знании английского. Остальные все это время слушали, кивая головами, поддерживая своего «предводителя».

Говорил сомалиец, назвавшийся Али Хеттифом, довольно долго. Кавторанг уже устал воспринимать это варварское коверкание английского, в котором с трудом можно было уловить смысл. И все же в ходе своего рассказа Али разъяснил, в чем дело. Сомалиец рассказал о том, что он и его молодая беременная жена, которую звали Марьям, в поисках лучшей жизни решили отправиться в один из эмиратов на Аравийском полуострове. По словам плюгавого, в Сомали им оставаться было совершенно невозможно, так как шла гражданская война, а жить и растить ребенка в таких условиях было бы просто неразумно. Они долго не могли на это решиться, но вот, наконец, выбрали маршрут, сели в мотобот и отправились на поиски лучшей жизни.

На резонный вопрос кавторанга по поводу остальных разговорчивый сомалиец объяснил, что это все его родственники, односельчане и просто знакомые, которые разузнали о его планах и тоже решили присоединиться.

Согласно их замыслам, они должны были продвигаться вдоль берега. Поначалу им сопутствовала удача, но затем сомалийцы, не зная всех премудростей мореходства, попали в мощное океанское течение, которое и понесло их в открытый океан. Бедняги пытались сопротивляться стихии, но ничего путного из этого не вышло. Вдобавок ко всему закончилась солярка. Больше суток они провели на мотоботе, дрейфуя в неизвестном направлении. Так что помощь русских моряков подоспела вовремя. А иначе пришлось бы им в скором будущем кормить всегда голодных океанских рыб.

Плюгавый, рассказывая все это, отчаянно жестикулировал, придавая своему рассказу еще больше напряжения. Командир да и все остальные внимательно выслушали историю сомалийцев. Сенин приказал срочно вызвать врача, ведь необходимо было осмотреть женщину, решившуюся от безысходности на столь опасную авантюру, рискуя не только своей жизнью, но и жизнью будущего ребенка.

Спустя несколько минут женщина вместе с мужем в сопровождении нескольких офицеров оказались в лазарете, где их уже ожидал корабельный врач Ахрамеев. Он покачал головой, взглянув на выпирающий живот сомалийки.

– Ну-с, и кто же это в таком состоянии отправляется в путешествие? – скорбно поинтересовался он. – Да вы, милочка, просто самоубийца, ни больше ни меньше. Да и муженек у вас соответствующий. Впрочем, что тут долго рассуждать на отвлеченные темы – давайте посмотрим на ваше состояние, так сказать, вблизи. Пройдемте со мной.

С этими словами он достал перчатки, которые, надо полагать, должны были помочь ему в осмотре.

Но как только Ахрамеев подошел к женщине, чтобы увести ее, к нему тут же подлетел Али и чуть ли не с кулаками набросился на медицинского работника. Женщина тоже начала орать и отбиваться. Ахрамеев, совершенно недоумевая, бросал вопросительные взгляды то на плюгавого, то на кавторанга. Командир решил вмешаться в ситуацию, схватив в охапку размахивающего руками и что-то кричащего Хеттифа, и оттащил его от врача. Кавторанг попытался объяснить ему, что никто на этом корабле не желает им зла, а хочет только помочь.

– Этот врач – отличный специалист, и он сможет помочь вашей жене, – объяснял он нервному сомалийцу, ей нужна медицинская помощь.

– Еще чего! – возбужденно орал ставший вдруг донельзя агрессивным Али. – Чужой мужчина, да еще белый иноверец, будет прикасаться к правоверной мусульманке? Я такого не допущу.

– Да при чем тут «не допущу»? Вы поймите, что ваше отношение может погубить женщину. Вам что важнее – религиозные запреты или жизнь жены?

Кавторанг, совершенно спокойно, стараясь делать как можно более мягкие движения, приблизился к сомалийцу и, глядя тому прямо в глаза, произнес:

– А что, если она умрет при родах? Что тогда? – Он старался говорить очень плавно, чтобы сбить напряжение.

Женщина испуганно оглядывалась по сторонам, готовая пустить в ход при приближении врача длинные и грязные ногти.

Плюгавый выслушал речь кавторанга и, не раздумывая, отчеканил:

– Да пусть лучше и она умрет, и ребенок умрет, все же лучше, чем перед Аллахом позориться.

Такие безумные доводы сомалийца никто из русских понять никак не мог. Фундаменталистские взгляды Али шли вразрез с элементарными основами человеческой логики.

– Вот дикие люди, – вполголоса произнес один из офицеров.

Полундра только покачал головой – ему уже неоднократно приходилось видеть подобные примеры.

Россияне сочувственно глядели на несчастную, забитую женщину и ее полубезумного мужа. Вот к нему-то уж точно никаких симпатий не было ни у кого. Особенно был озадачен таким поворотом событий, конечно же, командир корабля. Ему совсем не хотелось, чтобы эта женщина разродилась прямо на борту парусника, а глядя на ее состояние, Стенин уже ни в чем не был уверен. Все снова поднялись на палубу.

В этот момент, как всегда, откуда ни возьмись, выскочил Тузик. Он громко залаял и стал бросаться на африканцев, которые ему явно не понравились. Все стали пытаться отогнать пса, но тот упорно продолжал метаться из стороны в сторону и при этом злобно рычать. Несмотря на небольшие габариты, в ярости он выглядел гораздо более устрашающим. Несколько человек пытались отозвать пса, крича на разные голоса, но ничего не выходило. В конце концов Тузик совсем рассвирепел и накинулся на плюгавого. Тот неуклюже попытался отбиться, размахивая руками и ногами.

– Что это с ним? Тузик! Вернись! – прокричал Полундра.

Но Тузик не обращал на уговоры никакого внимания, наоборот, с еще большим остервенением облаивал Али и его жену. Сделав неожиданный бросок, он изловчился и ухватил африканца за голень. Хеттиф дико заорал, отбиваясь от очумевшего пса... Тузика попробовали поймать за ошейник, но он не давался, продолжая носиться по палубе. Вдобавок ко всему стала визжать и жена Али.

– Нужно позвать Сухомлина, Тузик только его слушается, – вспомнил старлей.

Кто-то побежал за курсантом. Плюгавый держался за укушенную ногу и скулил. Появившийся Сухомлин позвал разбушевавшегося пса. Тот отреагировал не сразу. Наконец пес затих, поджал хвост и поплелся к ногам Сухомлина.

– Эх ты, – поглаживая шерсть, проговорил курсант, – и почему это ты так ни с того ни с сего завелся? Зачем гостей обижаешь?

Вместо ответа Тузик взглянул в сторону плюгавого и глухо зарычал. Курсант подхватил его на руки и понес в каюту. Кавторанг нервно потер виски и вздохнул. Да, получили себе на голову приключение! Но деваться уже было некуда, теперь следовало довести африканцев до ближайшего порта. Там скитальцы смогут заправить свой мотобот, а женщина наконец попадет в больницу. Сенин дал указание отвести ее в карантинную каюту, где она могла быть одна. Хеттифа он разместил в соседней каюте. Остальных сомалийцев отвели в помещение, предназначенное под склад. Там было довольно просторно и места хватало всем. Нескольким офицерам было поручено постоянно следить за африканцами, потому как им, несмотря на предупреждение, вполне могло взбрести в голову шляться по кораблю. А это не пассажирский лайнер, а учебный корабль, принадлежащий Военно-морскому флоту России.

– Надо бы рану ему обработать, – обратился Стенин к Ахрамееву.

– Нет уж, хватит! – решительно заявил тот. – Еще одного скандала не хватало. Тузик не бешеный, так что выживет твой фундаменталист. А то ведь зарежет горячий сомалийский парень.

Врач закурил и, пуская кольца дыма, заявил:

– Нет, что ни говори, а нет сейчас того уважения к людям моей профессии на корабле.

– Да как же нет? – пробовал возразить кавторанг.

– И не говорите, товарищ командир, шутливо махнул рукой собеседник, – вот раньше...

– А что – раньше?

– Нет никакого сравнения! Да возьмите даже пиратов. Врачи очень высоко ценились ими. – Ахрамеев, похоже, уселся на любимого конька. – Нередко при захвате вражеского судна врач в первую очередь получал предложение присоединиться к команде победителя. Врач, кстати, был единственным человеком, кому разрешалось не подписывать пиратское соглашение.

– Привилегированный класс! – прищелкнул языком Стенин.

– А то. Нередко врачам захваченного судна выплачивали вознаграждение, если они просто оказывали помощь членам пиратской команды.

– Ну а если у пиратов не имелось на судне доктора? – поинтересовался командир.

– Этого они старались не допускать, – авторитетно заявил Ахрамеев, – если на корабле не было настоящего врача, на эту должность выбирали любого подходящего пирата, который имел хоть какие-то познания в медицине. Упоминается случай, когда врачом был избран корабельный плотник – так как у него были необходимые «инструменты» для выполнения ампутаций. Иногда врачеванием занимались корабельные повара – им была знакома работа с мясом, но они были менее квалифицированы, чем плотники.

Ахрамеев считал себя человеком очень начитанным и действительно часто по случаю и без того мог рассказать немало интересного. Эта «ходячая энциклопедия», как называли его на паруснике, пользовалась заслуженным авторитетом, и в случае «умного» спора обращались именно к нему.

– Минимальная аптека всегда присутствовала на корабле и в далекие времена. Судовой врач имел набор инструментов для выполнения неотложных операций и небольшой набор лекарств. За пополнение запаса лекарств отвечал сам врач, поэтому в порту он обычно направлялся в местную аптеку, где скупал необходимые лекарства.

– Ну, я думаю, что запаса лекарств до конца похода у нас хватит? – улыбнулся кавторанг. – Зная вас, допустить что-то другое я просто не могу.

– Никто не знает, как сложатся события, но пока что у меня все под контролем, – не без некоторого самодовольства развел руками Ахрамеев.

– Я подозреваю, что главным лекарством у пиратов был все-таки...

– Да, товарищ командир, конечно – главным корабельным лекарством у пиратов был ром, – кивнул врач, – его использовали и как лекарство от желудочных болезней, и как обезболивающее при операциях.

– Интересно с вами поговорить, Сергей Викторович, но, к сожалению, дела службы вынуждают вас покинуть, – с видимым сожалением произнес кавторанг.

– Как видите, помочь этой несчастной без ее согласия, а главное, без согласия мужа, совершенно невозможно, – заключил Ахрамеев, – так что нам с вами остается, так сказать, умыть руки и надеяться, что до порта она выдержит.

– Да уж, хотелось бы... – согласился Стенин.

Кавторанг находился в рулевой рубке, когда в нее вошел Полундра.

– Разрешите поинтересоваться, товарищ командир, какие будут действия?

Стенин рассмеялся, хотя смех получился, мягко говоря, неестественный.

– Черт, так некстати... И бросить невозможно. Придется в Йемен зайти, – произнес он, почесывая затылок, – не сдавать же их сомалийским головорезам. Главное, чтобы она у меня тут не разродилась!

– Да уж, – неопределенно хмыкнул старлей.

Глава 6

Сумерки ложились на океан, белоснежные паруса парусника потускнели. На воду опустился легкий туман, и теперь судно то исчезало в нем, то вновь появлялось, словно «летучий голландец». Все вокруг, казалось, собирается засыпать, даже чайки поутихли. Однако на борту корабля совершенно не чувствовалось этого спокойствия, навеянного природой. Курсанты суетились на палубе, выполняя указания офицеров. Работы на корабле всегда хватает, так что сидеть сложа руки на «Адмирале Сенине» не приходилось. И чистить и драить, не говоря уже о более сложной и ответственной работе... На лицах у всех было видно напряжение и озабоченность. Веселье, царившее на паруснике еще днем, исчезло. Теперь казалось, что его и вовсе не было. У фальшборта стояли несколько курсантов и негромко переговаривались, постоянно оглядываясь по сторонам, будто опасаясь, что их будут подслушивать.

– Да, ребята, первый учебный поход, и вот такая нештатная ситуация, – проговорил один из молодых людей.

– А что ты хотел – чтобы все прошло без сучка, без задоринки?

– Дело не в этом, всякое случается, будь это первый поход или десятый... Обидно, что накрылась наша практика по боевому дайвингу. Теперь, пока мы их доставим в ближайший порт, пока то, пока это... – протянул второй – и махнул рукой в сторону.

– Зато представьте, какие истории мы расскажем по возвращении, – толкнул его в плечо третий, долговязый курсант.

Все на секунду замолчали, видимо, вспоминая все то, что произошло с ними за время похода. Закрыв тему дайвинга, курсанты с жаром принялись вспоминать смешные случаи и происшествия. Чего-чего, а подобных тем хватало. Взрывы хохота разнеслись вокруг. В этот момент на палубе появился кавторанг. Заметив его, курсанты прекратили разговоры и разошлись по своим делам. Попадаться в такой ситуации под руку командиру никому не улыбалось.

Стенин, подставив лицо ветру, устало потер виски. За этот день он изрядно утомился, а тут еще эти неудачливые эмигранты подкинули забот на его голову. Как командиру корабля, ему совершенно не хотелось тратить время на то, чтобы транспортировать их в Йемен, но ведь он не мог выбросить их здесь, тем более беременную женщину, которая вот-вот должна родить. Как бы там ни было, но решение уже было принято, и теперь парусник полным ходом направлялся в Йемен, рассекая форштвенем зыбкую гладь воды. Теплый ветер приятно трепал волосы, помогая расслабиться. Простояв так несколько минут, кавторанг тяжело вздохнул, развернулся и скрылся с палубы.

В полумраке каютного помещения на небольшой кровати, скрестив руки на груди, лежала женщина, спасенная с мотобота. Голова ее находилась не на подушке, а чуть ниже. Грязные волосы разметались по всей кровати, а поза у сомалийки была какой-то неестественной для беременной женщины. На небольшой тумбочке стоял маленький светильник, но Марьям предпочла не зажигать его. Она осторожно перевернулась и легла на спину. Ее глаза уставились в потолок. Привыкшая к темноте, она без труда разглядела прямо над кроватью небольшой технический люк, открывавшийся изнутри. Женщина немного приподнялась и осмотрелась вокруг: помещение каюты было не слишком просторным и поэтому, кроме кровати, тумбочки и небольшого столика, там ничего не стояло. Лицо африканки напряглось, будто она внимательно вслушивалась во что-то. Все было спокойно, лишь из соседних кают доносились иногда возгласы. Судя по всему, разговаривали офицеры. Лицо сомалийки выглядело теперь совершенно обычным и вполне здоровым. От болезненного выражения, которое присутствовало у нее днем, не осталось и следа. Марьям встала и немного прошла по каюте. Теперь ее движения выглядели уверенными и твердыми. Подойдя к иллюминатору, она взгляделась в темноту. За бортом плескалась темная, казавшаяся почти черной вода. Она скрестила руки на животе и

немного потянулась. В этот момент за дверью раздались шаги. Марьям тревожно обернулась. Звук шагов постепенно затих – наверное, кто-то из курсантов проходил мимо. Еще раз внимательно прислушавшись, она снова уселась на кровать, погладив руками живот.

Вдруг платье зашевелилось, и из-под него на пол выскочил очень небольшого роста человек. Его рост не превышал ста двадцати сантиметров. Смуглая кожа делала его практически невидимым в темноте каюты. Глаза же, напротив, сверкали, словно у кошки. Все это время он ловко укрывался под платьем женщины в специальном бандаже. Это был представитель народа пигмеев, проживающих в Центральной Африке. Пигмей двигался совершенно бесшумно, словно его очень долго этому тренировали. Оглядевшись, он уселся рядом с женщиной, начав потягиваться. Вначале вытянул вперед руки и потряс ими, затем повторил ту же операцию ногами. Неудивительно: после столь длительного времяпрепровождения в скрюченном состоянии его конечности затекли. Марьям, продолжая прислушиваться, жестом дала понять, чтобы он не шумел. С обеспокоенным видом она часто глядела на дверь.

Снаружи послышались какие-то странные звуки. Марьям замерла, как и пигмей. В каюте воцарилась гробовая тишина. Непонятный звук превратился в шорох, и в дверь что-то глухо стукнуло. Послышался скрежет по обшивке и частое, прерывистое дыхание. Это был Тузик, пробежавший мимо. Что-то ему не понравилось, и теперь он всеми способами пытался проникнуть внутрь. Он скулил, пытался сделать подкоп, но безуспешно. Разозлившись, пес начал громко лаять, пытаясь заставить людей открыть ему дверь. И действительно, не прошло и нескольких минут, как на лай Тузика пришли несколько курсантов и лейтенант. Они снова принялись успокаивать бунтующего пса, но тот, как и в прошлый раз, не унимался.

Женщина, заслышав за дверью голоса, замерла и замахала руками, прогоняя пигмея под кровать. Тот беспрекословно забрался в новое укрытие и затих. «Концерт с Тузиком» по-прежнему продолжался. Его приманили чем-то вкусным, и он поддался на эту уловку. Курсанты удалились в свои каюты, а лейтенант Скориков решил извиниться перед женщиной за доставленное неудобство. Осторожно постучав в дверь, он прислушался – никто ему не открыл. Он постучал еще, на сей раз громче и настойчивей. Никакой реакции не последовало. В каюте по-прежнему царил тишина. Офицер насторожился, открывать дверь самостоятельно он не решался, как-никак женщина беременна, да и к тому же мусульманка. Хорошо помня инцидент, произошедший накануне на палубе, ему не очень-то хотелось вновь поднимать шум, да еще и на религиозной почве. Лейтенант уже удостоверился, что сегодняшние «гости» могут пойти на что угодно, дабы защитить свои религиозные чувства.

Женщина лежала на кровати, стараясь не издавать никаких звуков. Пигмей также находился в своем укрытии, не шевелясь. Белки его глаз сверкали в темноте. Человек, так назойливо пытавшийся попасть в каюту, не дождавшись никакого ответа, видимо, решил оставить эту затею – за стеной послышались его удаляющиеся шаги. Через некоторое время наступила полная тишина, которая нарушалась лишь гулом двигателя, доносившимся из машинного отделения, и шумом океана за бортом. Сомалийка еще некоторое время лежала неподвижно, ожидая, не случится ли еще что-нибудь. Когда же, наконец, прошло достаточно времени, она немного успокоилась и спустила ноги с кровати. Пигмей осторожно вылез из своего убежища. Они как-то странно переглянулись, словно заговорщики, решившие сбежать из тюрьмы. Марьям кивком головы указала ему на технический люк, расположенный у нее над головой. Пигмей молча кивнул и принялся его рассматривать. Отверстие люка было достаточно широким, в него способен был пролезть довольно крупный по габаритам человек. Для пигмея пролезть в такое отверстие было легче легкого.

Он, боясь заговорить, жестом попросил женщину присесть, и та выполнила его просьбу. С легкостью воздушного шарика уроженец Центральной Африки вскочил ей на плечи. Она выпрямилась, и пигмей оказался прямо перед люком. Отверткой, которую, видимо, припас заранее, он начал медленно и очень осторожно пытаться его открыть. Вскоре его усилия

были вознаграждены: скрипнув, люк поддался. Приподняв крышку, пигмей ухватился своими маленькими, но очень сильными мускулистыми руками за небольшие выступы по краям, подтянулся и в мгновение ока оказался наверху. Перед тем как закрыть люк, он еще раз взглянул на женщину, сверкая близко посаженными глазками. Улыбка обнажила мелкие зубы.

Глава 7

В рулевой рубке жизнь, как всегда, не затихала ни на минуту. У штурвала стоял рулевой, напевая себе под нос какую-то мелодию. Ночь уже полностью вступила в свои права, и почти весь экипаж уже давным-давно спал. Глаза понемногу слипались, и сон пытался забрать его в свои объятия. Для того чтобы не уснуть, он и пытался что-нибудь напевать, хоть и был, как говорили товарищи, напрочь обделен музыкальным слухом. Работа не была особенно сложной – благодаря современной системе навигации управление парусником превращалось в сплошное удовольствие. Нужно было лишь задать курс, а затем по приборной панели отслеживать перемещение, следя за тем, чтобы судно не сбилось с указанного направления. В данный момент приборы показывали, что «Адмирал Сенин» движется согласно намеченному курсу. Рулевой, погруженный в собственные мысли, усмехался. Видимо, ему вспоминалось что-то очень приятное.

Курсант стоял под техническим люком, расположенным на потолке. Неожиданно люк над его головой бесшумно сдвинулся в сторону. В образовавшемся отверстии было темно. Там появилась пара глаз, которые, сверкая белками, суетливо бегали по сторонам. Пигмей пытался разглядеть, где же располагается рулевой. Тот хоть и находился перед самым люком, но все же оставался вне поля зрения пигмея.

Африканец уже не знал, как извернуться, чтобы достичь своей цели. Ему практически не оставалось ничего иного, кроме как сунуться в рубку, но тогда пигмей мог встретиться с курсантом лицом к лицу. И все же времени на раздумье не оставалось. Полагаясь на собственную интуицию, он свесился головой вниз. Быстро окинул взглядом рубку, Мингуо увидел рулевого, стоявшего у штурвала. К счастью для пигмея, курсант его не увидел.

Оставшись не замеченным, Мингуо вновь поднялся наверх. Теперь он достал свою смертоносную трубочку в виде духового ружья и стал проделывать, привычную для него процедуру. Он осторожно извлек из маленькой высушенной тыквы еще более маленькую стрелу, смазанную ядом. Это оружие было знакомо ему с детства. Пигмеи – кочующий народ, вынужденный передвигаться с места на место. А опасностей для человека в африканских джунглях предостаточно. Самым оптимальным вариантом оружия для пигмеев, традиционно считающихся умелыми охотниками, служили именно такие трубочки-плевалки.

Они могли легко уместиться за пазухой, а действовали безотказно. Стрелы специально обрабатывались каким-либо смертельным ядовитым веществом. Так, например, в местах, откуда пигмей Мингуо был родом, использовали яд кураре, добывавшийся из коры растений рода стрихнос. При помощи таких трубок пигмеи охотились на огромных диких зверей. Яд был настолько силен, что мог в считанные секунды насмерть уложить тушу весом в центнер. Многие охотники погибали из-за неправильного обращения с этим оружием, ведь, чтобы научиться из него стрелять, нужно потратить не один месяц на тренировку. Мингуо, судя по всему, стрелял с детства, поскольку его руки работали идеально. В полной темноте он ловко управлялся с этой маленькой, на первый взгляд совершенно бесполезной трубочкой.

Аккуратно зарядив стрелу, пигмей еще раз осторожно заглянул в каюту. Рулевой по-прежнему оставался на том же месте. Находясь в положении вниз головой, карлик прицелился. В этот момент рулевой, подняв голову, увидел свисавшую из люка фигурку. Он на секунду опешил, уставившись на странного пришельца. Воспользовавшись этим замешательством, Мингуо выдул воздух из своих легких. Раздался звук плевка, и летящая стрела пронзила воздух. Отравленная «пуля» достигла своей цели быстрее, чем рулевой успел открыть рот. Лицо его исказила гримаса дикой боли. Курсант, схватившись за шею, захрипел, и его тело с остекленевшими глазами упало на пол. Рот был открыт, ведь он все-таки пытался что-то сказать. Пигмей, довольный своей работой, ловко словно акробат, спрыгнул на пол и очутился в рулевой рубке.

Глава 8

Тишину командирской каюты нарушало лишь мерное, спокойное дыхание спящего кавторанга. Стенин лежал на койке, свесив руку вниз, а на его лице отражалось успокоение. Прошедшие сутки были не из легких, так что крепкий сон был лучшим лекарством от стресса. Перевернувшись в очередной раз на бок, кавторанг что-то невнятно пробормотал сквозь сон.

За толстым стеклом иллюминатора плескалась кажущаяся в темноте мутно-черной океанская вода. Сейчас весь парусник был подобен сонному царству, не спали всего несколько человек, несущих вахту.

Где-то послышался приглушенный лай Тузика. Правда, на этот раз он продлился всего несколько минут и затих. Видимо, пес под воздействием курсантов «осознал свои ошибки». Но даже этого хватило, чтобы кавторанг повернулся на бок, лицом к иллюминатору, медленно открыл глаза и уставился в одну точку. Он пролежал так пару минут, а затем сладко потянулся, широко зевнув. Стенин присел на кровати и стал шарить под подушкой в поисках часов, которые обычно клал именно туда. Пошарив там и ничего не обнаружив, кавторанг поморщился: его часы лежали на небольшом столике в другом конце каюты. Ему ужасно не хотелось вставать и вылезать из-под одеяла, но усилием воли он заставил себя это сделать. Увидев, что до подъема еще достаточно времени, он решил продолжить спать. Добравшись до койки, Стенин с блаженной улыбкой влез под одеяло. Лег на спину, закрыв глаза, и попытался вновь отправиться в царство Морфея, однако почему-то теперь уже не мог заснуть. «Да, нервишки что-то шалят в последнее время...» Офицер смотрел в потолок, думая о том, что ему предстоит сделать с утра.

Прежде всего, надо связаться с Йеменом и попросить разрешения зайти в их порт на несколько часов – Стенину хотелось как можно быстрее избавиться от непрошенных и странных гостей с мотобота. Эта компания почему-то возбуждала у него неясные подозрения. В чем здесь дело, Стенин не мог сказать, но что-то грызло душу. Кавторанг снова встал с кровати и принялся расхаживать по каюте. Он шагнул к тумбочке, на которой стоял небольшой светильник, и включил его. Кавторангу на мгновение пришлось зажмурить глаза, привыкая к свету. Он сел в кресло и попытался сделать кое-какие записи в журнале.

В этот момент тишину каюты разорвал громкий звонок по внутренней связи. Сигнал поступил из рулевой рубки. Кавторанг, от неожиданности подскочив на месте, схватил трубку. Однако связь почему-то оборвалась. Командир недоуменно пожал плечами. Не успел он опять усесться в кресло, как этот неприятный, особенно в такие минуты, звонок раздался вновь. Кавторанг, уже начинающий злиться, подбежал к аппарату – в трубке снова царило молчание. Стенин задумался – в чем же дело? Естественно, разыгрывать командира корабля рулевой не будет, а следовательно, он явно собирался сообщить какую-то важную информацию, раз вызывает в столь поздний час. А эта селекторная система связи дала сбой. Когда-то не так давно она уже барахлила, и теперь кавторанг, проклиная эту внутриотсечную систему связи, матерился на полную катушку. Ворча и изливая ругательства, кавторанг одевался. Ему предстояло пойти и разобраться, что стряслось у рулевого и какого черта из строя вышел селектор. Закончив одеваться, командир парусника медленно, стараясь не шуметь, вышел из каюты и направился в сторону рулевой рубки. Хорошо зная каждый уголок на этом судне, он быстро продвигался по темным коридорам, идя, словно тень. Ему вдруг стало ужасно интересно – зачем рулевой пытался с ним связаться? Почему-то подсознательно Стенин почувствовал некую тревогу. Ему ужасно не хотелось, чтобы случилось что-либо чрезвычайное...

Кавторанг хотел спокойно вернуться из этого похода, но что-то все шло наперекосяк. Он в считанные минуты оказался у рулевой рубки. Остановился, будто собираясь с мыслями, и через пару секунд распахнул дверь.

Стоя на пороге, кавторанг мог созерцать приборную панель, как всегда, беспрерывно работающую. Но рулевого почему-то не было видно. Командир на мгновение растерялся. Он замер в недоумении, стоя в дверном проеме. Совершенно ничего не понимая, кавторанг шагнул внутрь. И тотчас сбоку на него обрушилось нечто тяжелое. Перед глазами поплыли черные круги, ноги подкосились, и командир рухнул на пол.

Через некоторое время, с трудом открыв глаза, кавторанг почувствовал резкую боль в области затылка и неприятное ощущение от запекшейся в волосах крови. Голова жутко гудела. «Хорошо еще, что жив», – подумал командир. Осторожно попробовав пошевелить руками, он понял, что они крепко связаны у него за спиной. «Проклятье, этого еще не хватало», – мысленно послал всех к чертям офицер. Подняв глаза, он осмотрелся вокруг. Ему стало понятно, что он по-прежнему находится в рулевой рубке, куда, собственно, и зашел проверить связь. Теперь было совершенно очевидно, что это ловушка. Но кто ее организовал?

В следующую секунду, словно отвечая на этот вопрос, из-за спины выскочил сомалиец Али и, глядя на беспомощно сидящего на полу офицера Военно-морского флота, довольно заулыбался. В руках он держал пистолет, направленный в сторону кавторанга, хотя это было и не нужно, ведь Стенин и так никуда не мог деться.

– Вы на удивление крепкий орешек, кэп, – обратился к нему на ломаном английском, с противным акцентом плюгавый сомалиец, – после столь мощного удара я рассчитывал, что вы придете в себя не раньше чем через несколько часов.

Кавторанг метнул в его сторону яростный взгляд. Он был в бешенстве.

– Я так и знал, нечего вас было подбирать, вы же все продумали заранее. Но зато как играли! Мы, мол, бедные эмигранты, помогите Христа ради. Ах да, простите, ради Аллаха, – хрипло произнес Стенин.

Хеттиф не смог перенести оскорбления своих религиозных чувств и наотмашь ударил кавторанга по лицу. Из носа у офицера потекла небольшая струйка темной крови.

– Заткнитесь, или мне придется применить особо строгие меры, – произнес Али, – я человек нервный, так что не советую меня злить.

Кавторанг ничего не ответил, да это в данной ситуации и не требовалось. Он кивнул головой, тем самым как бы интересуясь, чего от него хотят. Этот кивок не прошел для него бесследно: резкая боль пронзила шею, и у него создалось впечатление, будто голова сейчас просто-напросто отвалится.

«Как же так могло получиться, – недоумевал Стенин, – что этим африканцам удалось захватить рулевую рубку? Да и где вся команда?» Вопросов в голове командира вертелась уйма. Жаль только, что ответы на многие из них он не знал.

– И что же у вас за планы? – бросил Кавторанг Хеттифу, стоявшему перед ним с довольной физиономией.

– Не ваше дело, – произнес тот, подойдя поближе и направив пистолет прямо в лицо командиру, – от вас требуется выполнять только то, что я буду вам приказывать, а остальное не должно волновать.

Кавторанг в бессильной злобе покрутил головой. Это же надо, какой-то заурядный бандит будет командовать им, офицером, причем на нашем же судне. Ярость закипала в крови Стенина.

– Что вы сделали с рулевым? – спросил он, уже подозревая самое худшее.

– Он стал кормом для рыб, – спокойно произнес африканец, – вас устроит такой ответ?

Кавторанг сжал кулаки до такой степени, что побелели костяшки пальцев, и с силой попытался разорвать веревки. Этим своим действием он только вызвал смех у Хеттифа.

– Мне нравится ваше рвение, – обратился он к кавторангу, – а теперь успокойтесь и выслушайте меня.

Командир шумно выдохнул и исподлобья уставился на сомалийца.

– Судно должно перейти под наш контроль, хотите вы этого или нет. Я думаю, понятно, что вы сейчас далеко не в самом выгодном положении, чтобы выбирать. – С этими словами сомалиец перебрал пистолет из одной руки в другую, покачивая им перед глазами командира.

Кавторанг сплюнул.

– А не пошли бы вы все! – прокричал он, не скупясь на выражения, половину из которых Али просто не понял. – А что вы мне сделаете?

– А вы еще не догадались? – вкрадчивым голосом произнес чернокожий. – Естественно, мы вас убьем, но сделаем это как-нибудь по-особенному, например, отдадим на съедение акулам. А может быть, снимем с вас кожу, причем живьем. Есть у нас специалист по этим вопросам. А вместе с вами ликвидируем и всю вашу команду, вам наверняка будет жаль этих юных молодых ребят? А ведь у них мамы, жены, невесты...

Кавторанг как-то обмяк, представив себе дальнейшие события. Фантазия, как нарочно, стала работать на полную катушку, и он мысленно представил себе...

– Требуется сделать следующее, – начал давать пояснения Али, – вы должны связаться с экипажем и приказать им покинуть борт судна.

– Как вы себе это представляете? – удивленно взглянул на него Стенин.

– А мне ничего не надо представлять, – будто сорвавшись с цепи, заорал африканец, – скажете, что угроза пожара, или учения, или еще что-нибудь! Прикажете всем пересесть в мотобот! Ясно?

Кавторанг молчал и смотрел на разбушевавшегося сомалийца. Он не мог предать свою команду, но ведь, с другой стороны, если его убьют, то экипаж тоже будет уничтожен. Да и умирать в столь нестаром возрасте совершенно не входило в его планы. Ярость как-то быстро стала улечиваться, уступая место мыслям о собственной жизни.

– Я спрашиваю в последний раз – вам все ясно? – настойчиво спросил африканец, приставив пистолет ко лбу кавторанга.

Почувствовав холодный ствол, из которого словно веяло запахом смерти, Стенин испугался. Ему не оставалось выбора. По крайней мере, он мог бы взять передышку и подумать, как можно спастись в данной ситуации. Пока можно согласиться, а там посмотрим... Пистолет сильнее вжался в лоб. Хеттиф требовал ответа. Кавторанг тяжело выдохнул и обреченно произнес:

– Ясно...

Хеттиф хмыкнул, обнажая кривые зубы. Он убрал пистолет от головы кавторанга и кивнул в сторону приборной панели.

– А теперь по моей команде ты выйдешь на связь, – неожиданно резко перейдя на «ты», рявкнул африканец.

Глава 9

В темноте длинного технического коридора, ведущего в машинное отделение, бесшумно передвигалась какая-то тень. Пигмей бесшумно крался вперед, перемещаясь от одной стенки к другой. Повсюду стоял запах машинного масла вперемешку с соляжкой. Откуда-то сбоку доносился равномерный гул двигателя. В темноте трюмов тяжело вздыхали блестящие поршни в горячих масляных брызгах. Мингуо хорошо знал планировку парусника. Судно не являлось военным, а потому чертежи и схемы, касающиеся структуры и внутренних составляющих парусника, не были особо засекречены. Соответственно, найти в темноте машинное отделение не составило для заранее подготовленного пигмея абсолютно никакого труда. Когда он достиг цели, то увидел двух мотористов, несущих вахту. Мингуо присел и некоторое время всматривался, оценивая ситуацию. Мотористы расхаживали, проверяя, как работают машины. Изредка они обменивались какими-то фразами. Двигатель работал без сбоев.

Пигмей, осторожно прячась за огромной трубой, попытался подобраться поближе. Из-за шума установки его перемещения остались совершенно незамеченными. Аккуратно пристроившись спиной к трубе, он достал из-за пояса духовое ружье, осторожно вставив отравленную смертельным ядом стрелу, и приготовился ждать, когда подвернется удобный случай. Мотористы передвигались совсем не так, как хотелось, поэтому ждать пигмею пришлось долго. Наконец, когда один из механиков отправился в очередной обход, чтобы проверить основные механизмы дизельной установки, он оказался в поле зрения Мингуо. Тот, наконец, навел смертоносную трубочку на моториста, набрал в легкие максимум воздуха и, резко выдохнув, отправил заряд. Моторист почувствовал небольшое покалывание, схватился за шею. Он попытался выдернуть стрелу, но яд, который использовал пигмей, подействовал почти моментально. Горло сжали судороги, ноги подкосились, изо рта пошла пена, и жертва в предсмертной агонии покатила по грязному, залитому маслом полу. Пигмей растянул губы в безобразной улыбке. Теперь оставалась всего одна помеха.

Неожиданно выпрыгнув перед ничего не подозревающим механиком, маленький убийца, не дав тому опомниться, выплюнул в него содержимое своей трубочки. Теперь, когда машинное отделение оказалось пустым, пигмей достал несколько дымовых шашек, поджег их и разбросал по разным углам. Шашки с резким шипением начали испускать огромное количество дыма, который быстро стал заполнять каждый метр машинного отделения.

* * *

Хеттиф, находясь в рулевой рубке, все еще занимался командиром. Кавторанг, не совсем пришедший в себя после удара по голове и всего того, что произошло после, находился в некоторой прострации. Взгляд у него был отрешенный и немного замутненный. Он мысленно проклинал всех этих сомалийцев и себя самого за собственное великодушие и доброту душевную. Нельзя, нельзя верить всему! «Нужно было сдать их сомалийским властям», – вертелась мысль. Впрочем, он тут же вспомнил, что власть в Сомали – понятие относительное.

Хеттиф же чувствовал себя очень уверенно, а блестящий пистолет в руках придавал ему и его словам большую весомость. Он, улыбаясь, приставил пистолет к затылку строптивного кавторанга. От соприкосновения с холодной сталью у того зашевелились волосы. Он машинально зажмурил глаза, хотя понимал, что сомалиец не выстрелит, пока не добьется от него того, что ему надо.

– А ну, пошевеливайся! – прикрикнул Али на Стенина.

Тот лихорадочно соображал, что же сказать команде, ведь он хорошо знал всех ребят и понимал, что если курсанты беспрекословно выполняют все указания, то офицеры – люди опытные и не раз бывали в различных передрягах. Они ведь сразу заподозрят неладное...

– Раз... два... три, – начал отсчитывать Хеттиф, – напоминаю, при счете «пять» я жму на спусковой крючок, и тогда... – он с деланным сожалением поцокал языком.

Кавторангу ничего не оставалось, как схватить трубку селектора, лежащую на огромной приборной панели, насыщенной всяческими кнопками, тумблерами и прочими техническими мелочами. Он поднес ее к уху, с силой вдавив кнопку связи. В небольшом динамике раздался звонкий шелчок. Затем послышалось легкое фоновое шипение, означающее, что включилась трансляция, обеспечивающая связь рулевой рубки со всеми частями парусника. Собравшись, Стенин выдохнул и сделал небольшую паузу. Сомалиец стоящий у него за спиной, занервничал и снова вдавил ствол пистолета в затылок командиру. Кавторанг мысленно послал к чертям всех африканцев и заорал в трубку:

– Всем внимание, говорит командир судна. Пожар в машинном отделении! Повторяю, пожар в машинном отделении! – После этого он обернулся и посмотрел на Хеттифа, который кивком головы и легким толчком в спину приказывал ему продолжать.

– Всему экипажу, кроме задействованных в машинном отделении мотористов, – на палубу!.. Слушать мою команду... Общий сбор на палубе в течение двух минут.

Закончив говорить, кавторанг положил трубку и выключил трансляцию. Мерзкая физиономия Али расплылась в улыбке. Сомалиец чувствовал себя победителем. Он убрал пистолет от головы командира, по-прежнему держа его наготове.

* * *

Тишину вечера разорвал топот ног. На палубу в спешке высыпал весь экипаж. Происходящее было похоже на съемки очередного голливудского блокбастера. Создавалось впечатление, что сейчас появится режиссер и начнет командовать массовой, которая пока не совсем понимает, что ей делать. Курсанты с ничего не понимающими лицами сновали по палубе – поступившая команда тревоги застала их врасплох. Не имея опыта действий в экстремальных случаях, которые в академии они, конечно, не один раз моделировали в теории, курсанты в большинстве своем растерялись. В такой ситуации сложно не потеряться, особенно тем, кто в первый раз вышел в серьезное плавание. Ситуация усугублялась тем, что все происходило глубокой ночью, почти все выскочили прямо из коек. Тем не менее, курсанты старались всячески подбадривать друг друга. Повсюду слышалось:

– Без паники, это всего лишь учения, ничего серьезного.

Курсантам было приказано покинуть судно и разместиться в мотоботе. Бегом они направились к штурмтрапу. Из машинного отделения действительно валил густой дым и слышался запах гари. Дым распространялся по палубе, еще больше привнося хаос в происходящее. Создалась небольшая паника.

– Да, уж очень правдоподобные учения, – произнес кто-то из толпы, глядя на стремительно поднимающийся из нижних отсеков дым.

Курсанты в спешке грузились в мотобот. Несколько из них подбежали к заму командира, капитану третьего ранга Соловьеву:

– Разрешите обратиться! Почему, если это учебная тревога, мы должны размещаться в мотоботе? Нельзя ли использовать спасательные шлюпки, предназначенные для таких ситуаций?

Соловьев не ответил на этот вопрос. Сам не понимая ситуации, он прикрикнул на любопытных молодых людей:

– Отставить! Все вопросы потом. Выполняйте приказ.

Курсанты удивленно переглянулись и бегом направились вслед за остальными. Боцман Каверин пытался контролировать ситуацию, пропуская всех по порядку. Несколько раз он громко матерился, когда кто-то из курсантов пытался лезть вперед. Бас боцмана разносился по всей палубе. Соловьев сам ничего не понимал, ему вся эта ситуация казалась очень странной. Он и еще несколько офицеров отправились вниз. По селектору они попытались выйти на связь с кавторангом. В динамике послышался голос Стенина.

– Товарищ командир, почему эвакуация должна проходить без использования спасательных шлюпок? – попытался прояснить ситуацию Соловьев.

Кавторанг хотел хоть как-то намекнуть, что все происходящее – вовсе не учения, однако Хеттиф все это время находился рядом, и малейшая попытка «импровизации» могла бы грозить командиру несколькими граммами свинца в висок. Сомалиец тоже прекрасно понимал, что от опытного морского офицера можно ждать любого подвоха, и пристально следил за любым его движением, при этом стараясь вслушиваться в каждое слово. Естественно, что порусски он понимал слабо. Но, предупредив Стенина о последствиях «несанкционированных действий», Али надеялся на то, что русскому капитану хочется жить.

– Отрабатывается срочная эвакуация. Времени на спуск спасательных шлюпок нет, командир покидает борт последним, мотористы ведут борьбу с условным возгоранием, потом все объясню, – рублеными фразами поведал Стенин.

– Почему не спускаются спасательные шлюпки?

– Ситуация такова, – продолжал командир, – что у нас нет времени на спуск спасательных шлюпок, а мотобот рядом. Поэтому его и нужно использовать для срочной эвакуации. Выполняйте команды, все пояснения потом, – раздраженно произнес кавторанг, скрывая растерянность и волнение.

– Почему все подобранные африканцы остаются на борту? – не успокаивался Соловьев.

– Так ведь это учения!

Кавторанг почувствовал, как воздух комом подкатывает к горлу, мешая говорить. Оглянувшись на стоящего рядом Хеттифа, он сделал паузу.

– На судне остаются мотористы, работающие в машинном отделении над ликвидацией условного возгорания. Им уже сообщили о тревоге, поэтому их можете не ждать, они эвакуируются самостоятельно. Командир, естественно, покидает судно последним. – Стенин вытер пот, струившийся по его лицу, и еще раз добавил: – Все вопросы потом. А теперь выполняйте команду!

«Боже, какую чушь приходится нести! – сам себе ужаснулся Стенин. – Докатился...»

Офицеры переглянулись, пожалы плечами и молча поспешили на палубу руководить процессом эвакуации. Конечно, после связи с кавторангом было выяснено хоть что-то, но легче от этого стало ненамного. Однако, наученные многолетним опытом службы, офицеры в отличие от курсантов не раз бывали в чрезвычайных ситуациях, и золотое правило, которым они руководствовались в таких случаях, было – не задавать лишних вопросов. Тем более обсуждать приказы запрещалось даже по уставу. Стенину, как опытному командиру, они доверяли. Не раз им приходилось наблюдать, как он проявлял свои профессиональные качества и всегда с высоко поднятой головой выходил из самых сложных и запутанных дел...

Выйдя на палубу, они столкнулись с полным отсутствием порядка. Курсанты, не соблюдая многих правил, которые им вдалбливали в академии годами, толпились у штурмтрапа, пытаясь как можно быстрее попасть на мотобот. Те, кто уже находились на борту, вместо того чтобы помогать принимать остальных, пытались найти себе место.

Капитан третьего ранга вместе с боцманом быстро приняли командование на себя. Четко отдавая указания, они в считанные секунды устранили творящийся вокруг хаос. Соловьев своими приказами подавил легкую панику курсантов, которые не могли его послушаться, и наладил организованный спуск на плавсредство, раскачивающееся на волнах рядом с парусником.

Проследив за тем, чтобы все курсанты спустились в мотобот, несколько офицеров оглядели напоследок всю палубу, проверяя, чтобы никто случайно не остался на борту, и последними по штормтрапу спустились на плавсредство. Оказавшись на мотоботе, все члены команды были очень взволнованы. Каждый из курсантов считал своим долгом высказать свое мнение по поводу происходящего. Паника потихоньку успокоилась, и все желали, чтобы эти спонтанные и столь жесткие учения скорее закончились и можно было спокойно вернуться на борт.

Глава 10

Хеттиф, узнав, что весь экипаж покинул судно, довольно потирал руки. Его план удался, и теперь никого, кроме его людей и кавторанга, на судне не было. Рядом с ним находился Стенин, которого физиономия сомалийца уже не просто раздражала – его просто выворачивало наизнанку, когда он на нее смотрел. Ему было противно, что он ничего не смог сделать и думал о том, что с ними теперь будет. Спрашивать об этом у Али было совершенно бесполезно. Впрочем, Стенин и сам догадывался о судьбе своих подопечных.

Хеттиф радовался, словно дитя, которому подарили игрушку, о которой он давно мечтал. Теперь он уже не угрожал оружием кавторангу – бежать тому было некуда.

– Зачем я вам нужен? – прозвучал голос командира корабля.

– Пока ничего знать тебе не положено, а придет время, и сам узнаешь, – лениво ответил Али, с превосходством глядя на россиянина.

Он развернулся и вышел из рулевой рубки. На борту парусника впервые за последние несколько месяцев стало предельно тихо. Никаких криков курсантов, команд офицеров и прочей кутерьмы, к которой кавторанг так привык. Даже мотор, казалось, стал звучать как-то тише обычного. На палубе было пусто, повсюду валялись куски брезента, которые разбросали в суматохе спускавшиеся в мотобот курсанты. Из машинного отделения на воздух выскочил пигмей. Его лицо просто сияло от счастья. Он стал расхаживать по палубе, тоже чувствуя себя полноправным хозяином.

Али тем временем осматривал каюты и трюмы. Он заходил в каждое помещение и обыскивал его. Целью таких действий африканца было найти оружие, деньги или ценности, оставленные командой, которая в спешке покидала судно. К величайшему сожалению, ожидания сомалийца не оправдались: ни оружия, ни денег он отыскать не смог. Когда он проходил мимо карантинной каюты, дверь неожиданно распахнулась. Хеттиф машинально схватился за пистолет, но тут же убрал оружие: перед ним появилась Марьям, с которой он попал на парусник. Она расплылась в улыбке при виде Али. Он объяснил ей, что все в порядке, корабль у них в руках, ночная операция прошла успешно. Вместе они решили обследовать оставшиеся каюты, в которых размещался офицерский состав.

Еще несколько африканцев, которые находились внизу, вылезли на свет божий. Чрезвычайно довольные удавшейся операцией, они устроили что-то вроде банкета на свой дикий лад. Притащив съестные припасы, они принялись закусывать. Утолив голод, пираты накурились какой-то дрянью и начали веселиться. Зазвучали песни, перемежавшиеся плясками и криками.

Кавторанг издали наблюдал за всем происходящим и понимал, что это еще не последнее испытание, которое ему предстоит вынести. Сомалийцы, сделав «паузу», принялись что-то громко обсуждать. Али говорил о чем-то, что, несомненно, доставляло всем большое удовольствие, поскольку почти после каждой его фразы все дружно заходились диким хохотом. Кавторанг заметил, что один из бандитов постоянно наблюдает за ним. «Боятся, чтобы чего не выкинул», – горько усмехнулся про себя командир, вынужденный сидеть в поле видимости банды. Ему ужасно хотелось спать после всех перенесенных тревог и волнений, и он, облокотившись на какую-то коробку, закрыл глаза.

Начиналось утро, воздух стал более прохладным и свежим. Пигмей уже почти спал, развалившись прямо на полу. К нему подошел с несколько озабоченным видом Хеттиф.

– Слушай, русских на борту точно не осталось?

– Да брось ты сомневаться, все спокойно. Ну, ты же сам говорил, – ответил Мингуо, – тут курсанты и офицеры, приказы не обсуждают. Сказали в мотобот – значит, в мотобот, – после этих слов они весело рассмеялись и побрели в каюту.

Глава 11

Недавно «родившая» Марьям вышла из каюты и неспешно начала прогулку по палубе захваченного фрегата. В ее походке и взгляде уже не осталось ничего от той забитой и несчастной женщины, которой так сочувствовали русские моряки. Теперь грязная, замызганная рабыня превратилась в надменную хозяйку. Именно с таким видом она оглядывала захваченное пиратами судно, заглядывала в каюты и хозяйственные помещения, дергала за тросы, как бы проверяя их, задирала голову вверх, рассматривая рангоут. Ветра все еще не было, поэтому бесполезные при штиле паруса были опущены курсантами еще до захвата «Адмирала Сенина».

А в это время сами курсанты, сжавшись, словно зерна в кукурузном початке, сидели в мотоботе, из которого не так давно «спасали» мнимых беженцев. Из-за перегрузки – шутка ли, выдержать 130 крепких мужиков на борту! – мотобот осел предельно низко, но не переворачивался. В глазах курсантов читалось полное смятение. «Ничего себе учебная тревога», – то и дело слышалось вокруг. Впрочем, и сами офицеры ходили на котят, брошенных в реку, чтобы там и потонуть. В данной ситуации что-то предпринять было невозможно. Потяжелевший мотобот медленно отставал от фрегата, дрейфуя в открытый океан.

– Три мудреца в одном тазу пустились по морю в грозу... – пробормотал один из курсантов, пытаясь поддержать дух команды, но вовремя прикусил язык, сообразив, что детские стишки с трагическим для мореплавателей финалом ну никак не подходят для этого случая.

Марьям с безжалостной ухмылкой смотрела на удаляющийся мотобот. Она продолжала идти вдоль подвешенных у борта и прикрытых брезентом шлюпок. Время от времени ей надоела проводимая инспекция, и она вновь бросала взгляд на безграничную гладь океана, в котором одиноко темнел мотобот. Темный, почти черный у борта корабля, океан, словно хамелеон, играл своими оттенками, покрывался солнечными бликами, а у горизонта сливался с высоким и безоблачным небом, с которого яростно палило тропическое солнце. Тишину нарушало поскрипывание мачт и тросов в блоках, а также крики отдохавших на реях чаек.

Разомлевшая африканка на время отвлеклась от своей прогулки-проверки и смотрела вокруг уже просто с любопытством. Дело было почти сделано, можно и расслабиться, так как переживаний за последнее время оказалось более чем достаточно.

Неожиданно пиратскую идиллию нарушил странный звук. Сомалийка быстро посмотрела в сторону, откуда он доносился. Неужели собака заскулила? Где? Марьям осторожно подошла к одной из шлюпок и снова прислушалась. Нет, вроде все тихо. Может, показалось? Ну, мало ли что может послышаться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.